

УДК 343.352

DOI [10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).531-543](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).531-543)

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

С.К. Илий*Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

1 апреля 2015 г.

Дата принятия в печать

22 июня 2016 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2016 г.

Ключевые словаКоррупция; коррупционная
преступность; взяточничество;
тенденции коррупции;
общественное мнение о коррупции

Аннотация. В статье на основе статистических и социологических исследований анализируется состояние, динамика и структура коррупционной преступности в Российской Федерации. Количество зарегистрированных коррупционных преступлений в России продолжает сокращаться, темпы снижения коррупционной преступности значительно превышают темпы снижения преступности в целом. Отчасти это может быть объяснено улучшением учетно-регистрационной дисциплины, влиянием прокурорского надзора. Всего в результате принятых мер прокурорского реагирования ежегодно с регистрационного учета снимается до четверти необоснованно учтенных преступлений.

Несмотря на уменьшение общего числа выявленных коррупционных преступлений, в последнее время выявляется больше серьезных преступлений коррупционной направленности, сокращается удельный вес мелких взяток в общем массиве зарегистрированных коррупционных преступлений, растет количество лиц, привлеченных к ответственности за коррупцию.

В структуре коррупционной преступности (по уголовным делам, направленным в суд) доминируют такие преступления, как дача взятки, различные виды коррупционных мошенничеств, коррупционные хищения и получение взятки. Остальные преступления коррупционной направленности выявляются редко и крайне редко доходят до суда. Так, в течение последних пяти лет по 43 видам преступлений коррупционной направленности количество выявленных деяний не превысило десяти, а многие виды коррупционных преступлений не регистрировались ни разу.

Статистические данные о существенном снижении коррупционной преступности в стране, к сожалению, не подтверждаются результатами социологических исследований, осуществленных как Академией Генеральной прокуратуры РФ, так и другими организациями. Тем не менее, как показывают результаты проведенных автором исследований и анализ итогов исследований ведущих социологических центров, общественное мнение об уровне коррупции и деятельности правоохранительных органов по борьбе с ней в последние годы незначительно, но изменяется в лучшую сторону. Также и эксперты из числа прокуроров и сотрудников правоохранительных органов, принимающих непосредственное участие в борьбе с коррупцией, отмечают благоприятные тенденции в состоянии коррупционной преступности в стране.

Делается вывод о том, что в настоящее время усилия правоохранительных органов по борьбе с коррупционными преступлениями сосредоточены в основном на выявлении малозначительных коррупционных преступлений, однако, несмотря на то что коррупция в стране в целом остается на прежнем уровне, наметились определенные положительные тенденции. Принимаемые государством меры по противодействию коррупционной преступности, акцентированные на профилактику преступного поведения, дают определенные результаты. Так, осуществляемые меры по ведомственному контролю за соблюдением антикоррупционных ограничений и административно-правовых запретов на всех уровнях управления и активное формирование антикоррупционных стандартов в общественных отношениях постепенно формируют в обществе атмосферу понимания опасности коррупционного поведения. Кроме этого, позитивно можно оценить предпринимаемые государством меры, направленные на устранение административных барьеров.

THE ANALYSIS OF KEY TRENDS IN CORRUPTION CRIMES IN RUSSIA

Sergey K. Iliy

The Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2015 April 1

Accepted

2016 June 22

Available online

2016 September 30

Keywords

Corruption; corruption crimes; bribery; dynamics of corruption; public opinion about corruption

Abstract. The author uses statistical and sociological studies to analyze the condition, dynamics and structure of corruption crimes in the Russian Federation. The number of registered corruption crimes in Russia continues to go down, and the rate of corruption crimes' decrease considerably exceeds the general crime rate decrease. It can be partially explained by better accounting and registration discipline and the impact of prosecutor's supervision. Measures of prosecutor's response resulted in the removal of a quarter of unreasonably registered crimes off records.

Although the general number of exposed corruption crimes has decreased, more serious corruption crimes have been registered lately, while the share of small-scale bribes in the total number of registered corruption crimes is going down and the number of persons made accountable for corruption is growing.

The structure of corruption crimes (on criminal cases submitted to the courts) is dominated by such crimes as bribing, different types of corruption fraud, corruption larceny and bribe-taking. Other corruption crimes are rarely exposed and are very rarely submitted to the court. Thus, in the last 5 years there have been fewer than ten exposed corruption crimes under 43 corruption crime types, while under many corruption crime types nothing has been registered at all.

Statistical data showing a considerable reduction in the number of corruption crimes in the country are unfortunately not supported by the results of sociological surveys conducted by the Academy of Prosecutor General's Office of the RF as well as other organizations. Nevertheless, the author's research results and the analysis of surveys conducted by leading sociological centers show that the public opinion regarding the level of corruption and the work of the law enforcement bodies on fighting it is changing for the better, although slightly. Experts from prosecutor's offices and law enforcement who are immediately involved in fighting corruption also observe favorable tendencies in the condition of corruption crimes in the country.

The author concludes that at present the efforts of the law enforcement bodies involved in fighting corruption are mainly concentrated on exposing small-scale corruption offences; although corruption stays basically at the same level, there are some positive trends. The measures undertaken by the state and aimed at preventing corruption are bringing some results. Thus, the measures of administrative control over the observance of anti-corruption limitations and administrative law prohibitions at all levels of management, as well as an active introduction of anti-corruption standards into public relations are gradually promoting the understanding of the dangers of corrupt behavior in the society. Besides, the author positively evaluates state measures aimed at the elimination of administrative barriers.

Проблема оценки состояния коррупции на основе статистических и социологических исследований не раз являлась предметом криминологических изысканий как в России [1; 2, с. 58; 3; 4, с. 231; 5, с. 249; 6, с. 300], так и в других странах [7–12]. Однако из-за постоянных изменений криминологической обстановки она сохраняет свою актуальность.

В последние годы в нашей стране наблюдается тенденция к уменьшению числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. Так, в 2014 г. произошло резкое снижение количества выявленных преступлений коррупционной направленности: было зарегистрировано 32 060 преступлений, что на 24,6 % меньше, чем в 2013 г., когда их было зарегистрировано 42 506, и на 35,3 % ме-

нее показателя 2012 г. (49 513)¹. Причем темпы снижения коррупционной преступности значительно превышают темпы снижения преступности в целом. Так, если за 2013 г. число всех зарегистрированных преступлений сократилось

¹ Здесь и далее использованы сведения статистической формы 494 ГИАЦ МВД России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений» за январь — декабрь 2015 г. и аналогичных форм за 2012–2014 гг. (до 2012 г. информация о преступлениях коррупционной направленности в сопоставимом виде в статистических формах не отражалась), а также данные Сводного отчета по Российской Федерации по форме К (501) «Надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции и результаты расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» за январь — декабрь 2015 г. и аналогичных форм за 2011–2015 гг.

на 4,2 %, то число выявленных преступлений коррупционной направленности — на 14,2 %; в 2014 г. общий уровень снижения преступности в стране составил 1,8 %, коррупционной преступности — 24,6 %. Причем такие высокие темпы уменьшения количества выявленных фактов коррупции наблюдаются на фоне усиления требований руководства страны по активизации борьбы с коррупцией. В 2015 г. ситуация в определенной степени стабилизировалась: было выявлено 32 037 анализируемых преступлений, что всего на 0,1 % меньше показателя предыдущего года (рис. 1).

Снижение количества выявленных фактов коррупции отчасти может быть объяснено улучшением учетно-регистрационной дисциплины. В используемом при составлении статистической отчетности перечне № 23 «Преступления коррупционной направленности»² [13] к безусловно коррупционным отнесено лишь 10 статей УК РФ, а остальные упомянутые в данном перечне 50 с лишним статей УК предусматривают деяния, которые могут быть зарегистрированы в качестве преступлений коррупционной направленности только при наличии определенных условий (корыстный мотив, особенности субъекта и т.д.) [14, с. 38; 15, с. 41]. Однако на практике нередко отмечаются случаи необоснованной постановки на

учет в качестве преступлений коррупционной направленности деяний, которые по своим признакам не подпадают под критерии вышеупомянутого перечня. После того как функция по учету преступности была передана прокуратуре, осуществляется более строгий контроль обоснованности постановки на учет тех или иных преступлений, что в определенной степени способствовало уменьшению числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности.

Помимо этого, на снижение их количества повлияла активизация прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания по делам о преступлениях коррупционной направленности [16, с. 145]. Так, в результате вмешательства прокуроров снимаются с учета дополнительные эпизоды коррупционных преступлений, которые ранее необоснованно были зарегистрированы как отдельные преступления. Несмотря на то что общее количество коррупционных преступлений на протяжении последних лет сокращается, число выявляемых органами прокуратуры нарушений при их учете не снижается: в 2015 г. выявлено 3 997 нарушений (2014 г. — 3 987), в том числе 2 766 нарушений, связанных с необоснованным отражением в документах первичного учета преступлений, не являющихся коррупционными (2014 г. — 2 994). Всего в результате принятых мер прокурорского реагирования ежегодно с регистрационного учета снимается до четверти необоснованно учтенных преступлений [17, с. 194].

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 65/11, МВД России № 1 от 1 февр. 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

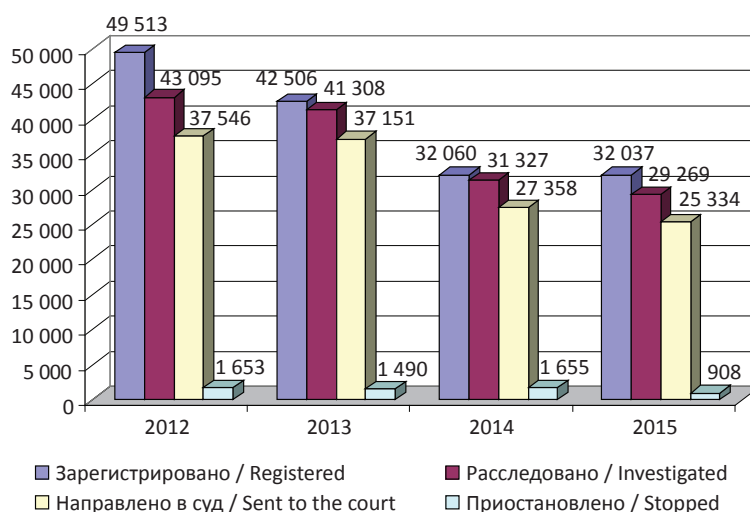

Рис. 1. Динамика количества преступлений коррупционной направленности в 2012–2015 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of corruption crimes in 2012–2015

Несмотря на существенное снижение числа зарегистрированных коррупционных преступлений, количество выявленных коррупционеров в целом растет: в 2015 г. — 16 661 лицо (в 2014 г. — 15 831, в 2013 г. — 16 167 лиц). Соотношение числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц равно 1,9, т.е. на каждого выявленного коррупционера в среднем приходится 1,9 зарегистрированного преступления коррупционной направленности (в 2014 г. — 2,0; в 2013 г. — 2,6; в 2012 г. — 3,7) (рис. 2). Таким образом, как представляется, статистические данные о коррупционной преступности в 2014–2015 гг. были менее подвержены искусственным манипуляциям.

Рис. 2. Динамика числа зарегистрированных преступлений коррупционной направленности и выявленных лиц, их совершивших, в 2012–2015 гг.

Fig. 2. Dynamics of the number of registered corruption crimes and identified criminals in 2012–2015

Как положительный фактор следует оценить и тот факт, что, несмотря на отмечаемое в последние годы снижение количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, до рассмотрения в судебных органах доходит больше уголовных дел исследуемой категории. В 2015 г. прокуроры направили в суды 13 996 уголовных дел, возбужденных по факту совершения преступлений коррупционной направленности (43,7 % от всех зарегистрированных), что на 7,4 % больше, чем в 2014 г. (13 037 дел, удельный вес — 40,7 %), и на 15,0 % больше, чем в 2013 г. (12 165 дел, удельный вес — 28,6 %)³.

Также размеры установленного материального ущерба, причиненного зарегистрирован-

³ Статистические данные по форме 501 («К») «Сведения о работе прокурора по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции и о результатах расследования уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности» за 2010–2015 гг.

ными преступлениями коррупционной направленности, выросли до 43 562 761 000 р., что на 11,0 % больше, чем в 2014 г. (39 236 556 000 р.), и на 67,7 % больше, чем в 2013 г. (25 970 718 000 р.) (рис. 3). На наш взгляд, это свидетельствует о том, что с каждым годом выявляется большее число серьезных преступлений коррупционной направленности, сокращается доля мелких взяток.

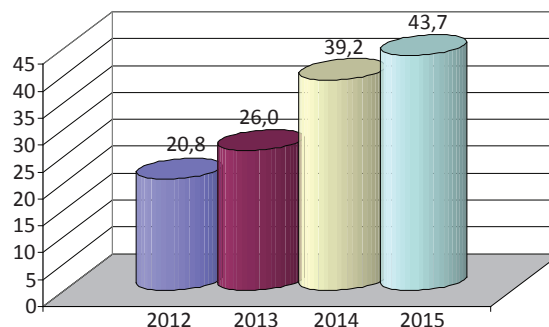

Рис. 3. Динамика ущерба, причиненного зарегистрированными преступлениями коррупционной направленности, в 2012–2015 гг., млрд р.

Fig. 3. Dynamics of damage inflicted by registered corruption crimes in 2012–2015, bln. RUR

Помимо этого, в 2015 г. на 6,0 % выросло число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, причинивших крупный или особо крупный ущерб (в крупном или особо крупном размере) (в 2015 г. — 3 763, в 2014 г. — 3 549, в 2013 г. — 4 479); на 5,6 % больше выявлено преступлений коррупционной направленности, совершенных организованными преступными группами или членами преступных сообществ (618 — в 2015 г., 585 — в 2014 г., 2 058 — в 2013 г.). Как представляется, отмеченные выше показатели в своей совокупности говорят о том, что в 2014–2015 гг. правоохранительным органам удавалось выявлять в целом более значимые коррупционные преступления, чем в предыдущие годы. Косвенно это свидетельствует об их более качественной работе в данной сфере.

Также, несмотря на снижение числа зарегистрированных коррупционных преступлений, растет количество осужденных за данные преступления⁴. Отчасти это вызвано изменением подсудности таких дел и принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных

⁴ Коррупция и взяточничество в России. URL : <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912>.

коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24, разъяснившего многие спорные вопросы, связанные с квалификацией преступлений коррупционной направленности. Кроме того, суды стали выносить более суровые наказания коррупционерам. Все чаще к уголовной ответственности привлекаются высокопоставленные чиновники разного уровня, дела о таких преступлениях обретают все больший общественный резонанс.

Анализ состояния коррупционной преступности в региональном разрезе⁵ показывает следующее. Более четверти (26,0 %) преступлений коррупционной направленности в 2015 г. выявлено в десяти субъектах Российской Федерации: 1 239 преступлений (3,9 %) — в Республике Татарстан; 1 164 (3,6 %) — в Москве; 849 (2,7 %) — в Волгоградской области; 828 (2,6 %) — в Республике Башкортостан; 790 (2,5 %) — в Краснодарском крае; 789 (2,5 %) — в Ростовской области; 688 (2,1 %) — в Челябинской области; 680 (2,1 %) — в Пермском крае; 666 (2,1 %) — в Омской области и 626 (2,0 %) — в Свердловской области.

В 41 регионе число выявленных преступлений коррупционной направленности сократилось. При этом заметное снижение (более 10 %) наблюдалось в 30 субъектах Российской Федерации. Из них в четырех снижение было более чем на треть: в Ямало-Ненецком автономном округе — на 61,6 % (со 190 до 73); в Пензенской области — на 43,8 % (с 281 до 158); в Тюменской области — на 38,4 % (с 508 до 313) и в Республике Карелия — на 33,8 % (со 160 до 106).

⁵ При подготовке анализа коррупционной преступности в региональном разрезе использовались результаты расчетов Г.Ф. Коимшиди.

Одновременно в 38 регионах число выявленных преступлений коррупционной направленности увеличилось. Заметный рост (более 10 %) наблюдался в 22 субъектах Российской Федерации. Из них в шести прирост был более чем на треть: в Ненецком автономном округе — в 3,4 раза (с 13 до 44); в Республике Бурятия — на 48,0 % (со 100 до 148); в Кемеровской области — на 42,2 % (с 289 до 440); в Чеченской Республике — на 38,9 % (со 175 до 243); в Курганской области — на 35,2 % (с 281 до 380) и в Республике Татарстан — на 33,4 % (с 925 до 1 234) (табл. 1).

Если суммировать данные о выявленных преступлениях коррупционной направленности по месяцам 2015 г., то получим 31 848 преступлений. А по итогам года (нарастающим итогом) — 32 037, т.е. на 189 больше. Это означает, что за год было переквалифицировано в преступления коррупционной направленности на 189 преступлений больше, чем наоборот. При этом в декабре 2015 г. наблюдалась противоположная картина. За январь — ноябрь выявлено 30 814 преступлений коррупционной направленности. За декабрь — 1 891 преступление и по итогам года должно было быть 32 705 преступлений: на 668 больше, чем официально заявлены за январь — декабрь 2015 г. Таким образом, в декабре 2015 г. не менее 668 преступлений коррупционной направленности было переквалифицировано в иные.

В Дальневосточном федеральном округе за год было переквалифицировано в преступления коррупционной направленности на 187 преступлений больше, чем наоборот (15,1 %); в Приволжском федеральном округе — на 491 преступление больше (7,6 %); в Южном — на 228

Таблица 1 / Table 1

Ранжирование федеральных округов РФ по количеству выявленных преступлений коррупционной направленности в 2015 г.

Ranking of the RF Federal Districts based on the number of revealed corruption crimes in 2015

Регион / Region	Абсолютные значения / Absolute values	Абсолютный прирост / Absolute growth	Относительный прирост, % / Incremental growth, %	Абсолютные значения / Absolute values
Россия / Russian	32 037	–22	–0,07	100
Приволжский ФО / Volga FD	6 472	–241	–3,59	20,20
Центральный ФО / Central FD	5 394	–373	–6,47	16,84
Сибирский ФО / Siberia FD	3 907	–142	–3,51	12,20
Южный ФО / South FD	3 052	41	1,36	9,53
Северо-Западный ФО / North West FD	2 708	–89	–3,18	8,45
Уральский ФО / Ural FD	2 509	–212	–7,79	7,83
Северо-Кавказский ФО / North Caucasus FD	1 873	194	11,55	5,85
Дальневосточный ФО / Far East FD	1 242	54	4,55	3,88

(7,5 %); в Северо-Кавказском — на 110 (5,9 %); в Уральском — на 135 (5,4 %); в Северо-Западном — на 51 (1,9 %); в Сибирском — на 68 (1,7 %).

Иная картина наблюдается в Центральном федеральном округе, где за год не менее 595 преступлений коррупционной направленности было переквалифицировано в иные (11,0 %). В том числе в Москве не менее 308 преступлений коррупционной направленности было переквалифицировано в иные (26,5 %). Это более чем каждое четвертое выявленное за год такое преступление.

Обращает на себя внимание тот факт, что Москва по количеству выявленных преступлений коррупционной направленности (1 164) уступает только Республике Татарстан (1 234), однако по коэффициенту преступности Москва опережает только Московскую область (9,5 преступления на 100 тыс. населения в Москве и 8,5 — в Московской области). В общем ряду субъектов Российской Федерации Москва и Московская область занимают последние места по коэффициенту коррупционной преступности. На первом месте по данному показателю находится Ненецкий автономный округ, где коэффициент коррупционной преступности — 101,7, что в 4,6 раза превышает среднероссийский показатель (22,3). В Республике Татарстан, которая, как было сказано выше, занимает первое место по числу выявленных преступлений коррупционной направленности, коэффициент преступности рассматриваемого вида в 2015 г. составил 32,0, что в 1,4 раза выше среднероссийского показателя. Выявление причин подобного соотношения показателей выявляемости корруп-

ционных преступлений и коэффициента данной преступности в Москве требует дополнительного отдельного анализа и изучения.

Наиболее высокий коэффициент преступлений коррупционной направленности наблюдается в Приволжском и Южном федеральных округах — 21,8; в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах немного меньше — соответственно 20,4, 20,2 и 20,0. В Северо-Западном и Северо-Кавказском федеральных округах немного ниже — соответственно 19,6 и 19,4. Значительно ниже данный коэффициент в Центральном федеральном округе — 13,9 (табл. 2).

Следует заметить, что, учитывая сравнительно небольшой массив регистрируемых преступлений коррупционной направленности на региональном уровне, методологически неправильно делать какие-либо выводы о тенденциях коррупционной преступности в том или ином регионе исключительно на основе статистических данных. Поступающие так исследователи игнорируют закон больших чисел.

При всей значимости анализа состояния коррупционной преступности в целом более информативным является исследование отдельных видов коррупционных преступлений, в первую очередь — составляющих «ядро» коррупции, отличающихся наибольшим распространением. В последние годы наблюдается тенденция к снижению числа выявленных фактов *получения взятки*. В 2015 г. в стране таких фактов выявлено на 5,2 %, или на 454 факта, больше, чем в 2014 г. (6 399 против 5 945), но на 4,6 %, или на

Таблица 2 / Table 2
Ранжирование федеральных округов РФ по коэффициенту коррупционной преступности (количество преступлений на 100 тыс. чел.) в 2015 г.

Ranking of the RF Federal Districts based on the corruption crime coefficient (number of crimes per 100 th. people) in 2015

Регион / Region	Абсолютные значения / Absolute values	Абсолютный прирост / Absolute growth	Относительный прирост, % / Incremental growth, %	Абсолютные значения / Absolute values
Россия / Russia	22,25	–0,06	–0,28	22,31
Южный ФО / South FD	21,79	0,23	1,07	21,56
Приволжский ФО / Volga FD	21,78	–0,79	–3,51	22,57
Уральский ФО / Ural FD	20,44	–1,80	–8,10	22,24
Сибирский ФО / Siberia FD	20,23	–0,76	–3,60	20,99
Дальневосточный ФО / Far East FD	20,00	0,92	4,81	19,08
Северо-Западный ФО / North West FD	19,56	–0,71	–3,48	20,27
Северо-Кавказский ФО / North Caucasus FD	19,39	1,88	10,76	17,51
Центральный ФО / Central FD	13,85	–1,01	–6,78	14,86

311, меньше, чем в 2013 г. (6 710). В то же время в динамике числа выявленных фактов дачи взятки с 2013 г. наблюдается устойчивая тенденция роста этого показателя, и в 2015 г. количество зарегистрированных фактов *дачи взятки* (6 771) превысило число зарегистрированных фактов ее получения (6 399) (рис. 4).

Из приведенных данных видно, что в 2015 г., как и в предыдущем, правоохранные органы были более сосредоточены на выявлении фактов дачи взятки. Объясняется это тем, что, с одной стороны, выявлять и привлекать к ответственности взяткополучателей гораздо сложнее, чем взяткодателей. С другой стороны, государственные и муниципальные служащие стали более активно исполнять требование законодательства об уведомлении о попытке склонения их к коррупции. Так, по информации руководителя Администрации Президента РФ, в 2015 г. поступило более 5,5 тыс. уведомлений о попытках склонения к коррупции (даче взятки), по данным фактам возбуждено 2 863 уголовных дела и уже осуждено 1 700 чел.⁶ (в 2014 г. — 3 тыс. уведомлений; привлечено к уголовной ответственности на их основании 692 взяткодателя⁷).

Анализ динамики ежемесячного числа выявленных фактов получения и дачи взятки в Российской Федерации в 2008–2015 гг. показывает, что, как правило, максимальные значения количества выявленных фактов наблюдаются в конце кварталов — в марте, июне и сентябре. Данный факт свидетельствует о сложившейся практике

работы правоохранительных органов для обеспечения «хороших» показателей в первую очередь в отчетном периоде. Прокуроры регулярно сталкиваются с ситуациями, когда выявленные коррупционные преступления не ставятся своевременно на учет при наличии необходимых показателей в отчетном периоде, а переносятся на следующий квартал (год).

Также распространен такой вид манипуляции статистикой, когда после заявления гражданина о вымогательстве у него взятки возбуждается уголовное дело по факту дачи взятки, даже если заведомо известно, что будет проводиться оперативный эксперимент в целях документирования получения взятки. После постановки на статистический учет «выявленного» факта дачи взятки уголовное преследование в отношении взяткодателя прекращается в связи с его деятельным раскаянием, но «выявленное» коррупционное преступление с учета не снимается.

Это говорит о том, что правоохранительные органы в борьбе с коррупционными преступлениями по-прежнему зачастую идут по пути наименьшего сопротивления, концентрируя усилия на регистрации наиболее простых для выявления преступлений (дача взятки), уделяя при этом меньше внимания выявлению фактов получения взятки.

Отчасти следствием такого подхода явился резкий рост количества привлеченных к уголовной ответственности взяткодателей. Анализ статистических сведений о расследовании уголовных дел показывает, что фактически приоритетом в работе правоохранительных органов на современном этапе выступает борьба с дачей взятки (рис. 5).

⁶ URL : <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/12/51207>.

⁷ URL : <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/12/47197>.

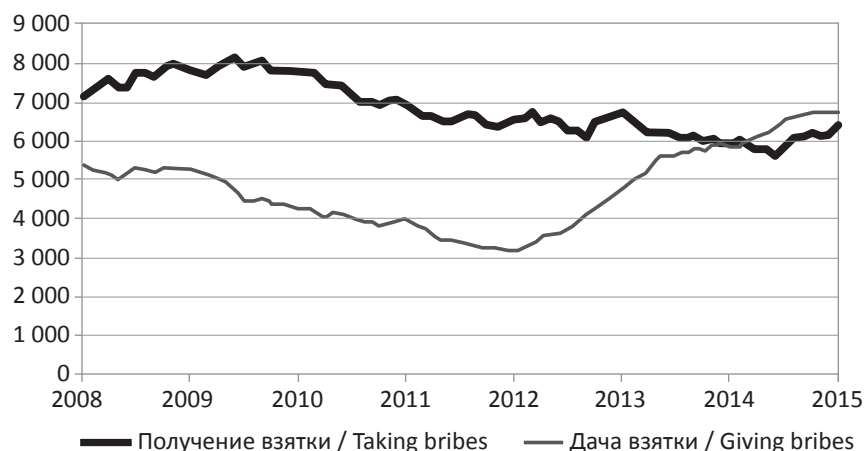

Рис. 4. Динамика числа выявленных фактов получения и дачи взятки в 2008–2015 гг.

Fig. 4. Dynamics of the number of exposed facts of accepting and giving bribes in 2008–2015

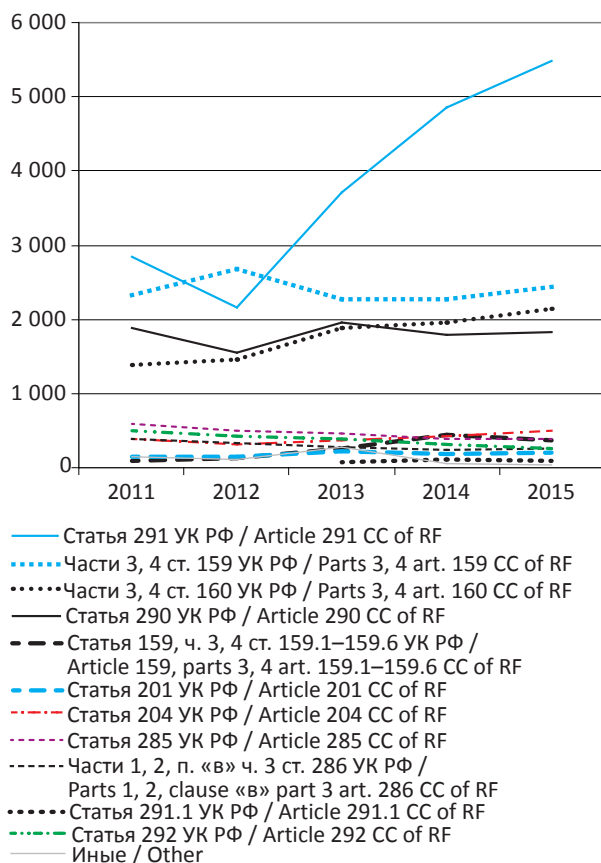

Рис. 5. Динамика количества уголовных дел по коррупционным преступлениям, направленных прокурорами в суд, в 2011–2015 гг.

Fig. 5. Dynamics of the number of criminal cases of corruption crimes, submitted to the courts by prosecutors in 2011–2015

Соответственно, и в структуре коррупционной преступности (по уголовным делам, направленным в суд) доминирует именно дача взятки (ст. 291 УК РФ) — 39,2 %. Также достаточно много дел, связанных с различными видами коррупционных мошенничеств (ст. 159, 159.1–159.6 УК РФ), — 19,9 %; коррупционных хищений (ч. 3, 4 ст. 160 УК РФ) — 15,4 %; получением взятки (ст. 290 УК РФ) — 13,1 % (рис. 6).

Остальные преступления коррупционной направленности выявляются редко и крайне редко доходят до суда. Так, в течение последних пяти лет по 43 видам преступлений коррупционной направленности количество выявленных деяний не превысило десяти, а многие виды коррупционных преступлений не регистрировались ни разу.

Следует отметить высокую степень латентности преступлений рассматриваемого вида. В 2014 г. Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации исследовался уровень латентности коррупционных преступлений в различных сферах правоохранительной деятельности методом экспертных оценок⁸. Например, согласно результатам исследования коррупции в сфере исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, уровень латентности этого вида преступности можно оценить как очень высокий.

⁸ В 2014 г. по специально разработанной анкете было опрошено 165 экспертов из числа прокурорских работников специализированных прокуратур по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, а также 72 эксперта из числа сотрудников органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, связанные с лишением свободы.

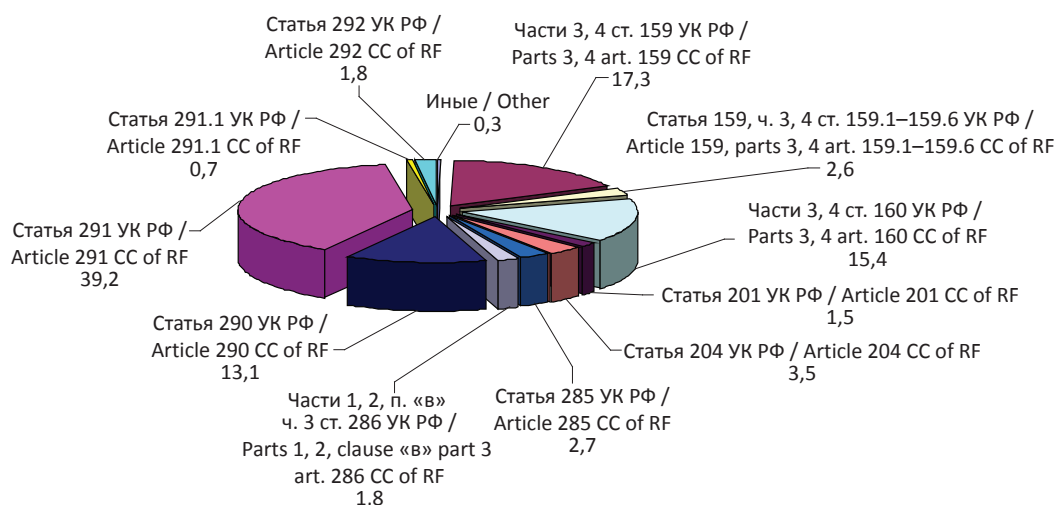

Рис. 6. Структура коррупционной преступности в 2015 г. (по делам, направленным прокурорами в суды), %

Fig. 6. The structure of corruption crimes in 2015 (on cases submitted to the courts by prosecutors), %

Подавляющее большинство экспертов (67 % сотрудников ФСИН России и 71 % прокуроров) считают, что в данной сфере правоохранительными органами выявляется менее 30 % преступлений.

Высокий уровень латентности коррупционных преступлений, помимо невысокого качества деятельности правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений коррупционной направленности, в значительной мере объясняется спецификой данного вида преступности, а именно обоюдной заинтересованностью обеих сторон (взяткодателя и взяткополучателя) в решении какого-либо вопроса (обоюдовыгодная сделка), а также тем, что граждане редко обращаются в правоохранительные органы с заявлениями о фактах коррупции [15, с. 87; 18; 19; 20, с. 288].

Статистические данные о существенном снижении коррупционной преступности в стране, к сожалению, не подтверждаются результатами социологических исследований, проведенных как Академией Генеральной прокуратуры, так и другими организациями. Тем не менее можно отметить некоторые положительные тенденции в общественном мнении о коррупции и деятельности органов государственной власти по противодействию ей.

Так, с точки зрения большинства опрошенных прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции⁹, ее уровень в России высокий (60 % ответов) или очень высокий (15 %). При этом, по мнению 70 %, уровень коррупции за последний год не изменился; считают, что уменьшился, 24 %, что увеличился — 12 % прокуроров.

Сходной точки зрения придерживаются и сотрудники правоохранительных органов: о том, что уровень коррупции высокий, говорят 51 % респондентов, о том, что очень высокий, — 13 %; по мнению 68 % опрошенных, уровень коррупции не изменился, 28 % полагают, что уменьшился, а 2 % считают, что увеличился¹⁰.

⁹ В ноябре 2014 г. Академией Генеральной прокуратуры РФ опрошено 90 начальников отделов по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратур субъектов России и приравненных к ним прокуратур.

¹⁰ В сентябре — декабре 2014 г. Академией Генеральной прокуратуры РФ опрошено 168 сотрудников МВД, ФСБ, СК, ФСКН, ФСИН, ФССП России, проходивших повышение квалификации по программе «Функции подразделений кадровых служб федеральных государственных органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений» в РАНХиГС при Президенте Российской Федерации и в ведомственных учебных заведениях.

Представляет интерес анализ результатов социологических исследований проблем коррупции, осуществленных ведущими социологическими исследовательскими центрами.

По данным фонда «Общественное мнение», опрос, проведенный в декабре 2015 г., показал, что 20 % россиян относят коррупцию и взяточничество в органах государственной власти к основным проблемам своего региона. В то же время можно сказать, что на фоне неблагоприятной экономической ситуации в стране проблемы коррупции отошли на второй план и граждан гораздо более волнуют проблемы роста цен на товары и услуги (62 %), высокие цены на услуги ЖКХ (51 %), низкий уровень заработной платы (46 %)¹¹.

Как показывают исследования, проведенные ВЦИОМ в 2015 г., уровень обеспокоенности общества коррупционной ситуацией в стране остается высоким¹². Так, согласно результатам опроса, 25 % респондентов считают, что степень распространенности коррупции в обществе остается очень высокой, еще 44 % полагают, что высокой, и только 23 % оценили степень распространенности этого явления как среднюю. Считающих, что коррупции нет или степень ее распространенности низкая, подавляющее меньшинство — всего 4 %.

Между тем эффективность работы органов власти по борьбе с коррупцией опрошенные ВЦИОМ респонденты оценивают выше, чем в предыдущие годы. Так, определенные результаты деятельности властей в данном направлении в последнее время отмечают около половины опрошенных — 48 % (в 2005 г. — только 30 %).

По данным АНО «Левада-Центр», около 30 % населения ежегодно сталкиваются с проблемой коррупции в органах власти: дают взятки, благодарят подарками за оказанные услуги и т.д. Чем более образованны, материально обеспечены и социально активны люди, тем чаще им приходится включаться в коррупционные сделки. Судя по ответам респондентов, чаще всего участники опроса называют коррупционерами сотрудников ГИБДД (43 %), полиции (39 %) и таможи (35 %). Треть (33 %) считают нечистыми на руку чиновников региональных и местных органов власти, 31 % называют коррупционера-

¹¹ Главные проблемы регионов // ФОМ : офиц. сайт. URL : <http://fom.ru/Obraz-zhizni/12465>.

¹² Коррупция в России: после «дела Гайзера» // ВЦИОМ : офиц. сайт. URL : <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115440>.

ми мэров и депутатов всех уровней, 29 % — губернаторов и судей, 26 % — федеральных служащих и ректоров вузов¹³.

Однако при оценке на основе социологических исследований степени распространенности коррупции в различных сферах следует учитывать, что большая часть населения страны не обладает объективной информацией в силу отсутствия соответствующего опыта. Очевидно, что мигранты из других стран будут более высоко оценивать уровень коррупции в миграционной системе России, чем граждане России; предприниматели чаще сталкиваются с коррупцией в лицензионно-разрешительной системе, а также с коррупцией в форме «откатов»; студенты — с коррупцией в системе образования и т.п.

Так, по данным Ассоциации адвокатов России за права человека, юристы которой в 2013–2014 гг. обработали более 10 тыс. обращений о случаях коррупции, наиболее коррумпированной является судебная система (28,5 % обращений), далее следует полиция (20,4 %). В то же время сообщения о бытовой коррупции стали поступать почти в 2 раза реже¹⁴.

Результаты исследований Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹⁵ демонстрируют, что почти треть опрошенных экспертов (29,4 %) отметили коррупцию в числе основных факторов, негативно влияющих на состояние законности.

Анализ докладных записок прокуроров субъектов Российской Федерации показывает, что крайне большим коррупционным рискам подвержены сферы, связанные с распоряжением и управлением государственным имуществом. Наиболее типичными остаются преступления, связанные с присвоением бюджетных средств в ходе выполнения государственного или муниципального заказа.

В 2015 г. правоохранительными органами выявлялись коррупционные преступления, получившие широкий общественный резонанс. Так, возбуждены уголовные дела в отношении главы Республики Коми В. Гайзера и губернатора Сахалинской области А. Хорошавина за совершение коррупционных преступлений. По данным ВЦИОМ, каждый четвертый, слышав-

ший об аресте В. Гайзера (25 %), после данного случая стал лучше относиться к руководству страны. Напротив, более негативно о власти стали отзываться 6 %. Две трети (64 %) не изменили своего мнения.

Характерно, что даже результаты исследований международной организации Transparency International подтверждают небольшое изменение в лучшую сторону коррупционной ситуации в стране. Так, индекс восприятия коррупции за 2015 г. в России составил 29 баллов, наша страна по уровню коррумпированности заняла 119-е место (из 168 стран). В прошлом году — 27 баллов и 136-е место¹⁶.

В 2015 г. Академией Генеральной прокуратуры проведено исследование, посвященное вопросам эффективности правоохранительной и судебной деятельности в сфере противодействия коррупции¹⁷. Более трети опрошенных прокуроров (38,0 %) оценили уровень организации работы правоохранительных органов по борьбе с коррупционными преступлениями как низкий, т.е. позволяющий осуществлять противодействие только незначительной части коррупционных преступлений; 39,5 % признали его удовлетворительным (позволяющим противодействовать только особо опасным и очевидным коррупционным преступлениям), и еще 3,2 % опрошенных сочли, что организацию работы правоохранительных органов по борьбе с коррупционными преступлениями нельзя признать удовлетворительной. Только 19,2 % указали, что правоохранительная деятельность организована достаточно для того, чтобы осуществлять эффективное противодействие коррупции.

Как продемонстрировало проведенное исследование, наименьшая эффективность правоохранительной деятельности отмечается экспертами в сфере работы оперативных подразделений правоохранительных органов, осуществляющих выявление, пресечение и раскрытие преступлений коррупционной направленности.

Изучение докладных записок прокуроров субъектов Российской Федерации показало, что в числе основных недостатков оперативно-розыскной деятельности прокуроры отмечают: низкое качество материалов, представляемых

¹³ URL : <http://newsru.com/russia/18nov2014/korrupt.html>.

¹⁴ URL : http://www.ng.ru/economics/2014-09-18/4_corruption.html.

¹⁵ В ходе исследования в 2015 г. были опрошены 578 прокуроров из 20 субъектов Российской Федерации.

¹⁶ URL : <http://www.transparency.org.ru/index-vospriatiia-korruptcii/index-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto>.

¹⁷ В рамках исследования по специально разработанной анкете было опрошено 2 028 прокуроров во всех субъектах Российской Федерации.

по результатам оперативно-розыскной деятельности; несоответствие их нормам Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, что приводит к признанию доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, недопустимыми; непринятие мер, направленных на розыск (установление и обнаружение) и последующий арест в порядке ст. 115 УПК РФ имущества, подлежащего конфискации, или для обеспечения возмещения вреда по уголовным делам коррупционной направленности; ориентированность на выявление незначительных коррупционных правонарушений; допущение фактов провоцирования на взятки при выявлении коррупционных преступлений.

Анализ причин и условий недостаточной эффективности правоохранительной деятельности в рассматриваемом направлении показывает, что для преодоления ситуации требуется усилить кадровую работу в подразделениях, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обеспечить достаточный уровень профессиональной и психологической подготовки сотрудников, создать возможности для продвижения по службе. В то же время текущая экономическая ситуация неблагоприятно отражается на организации правоохранительной деятельности, что влияет на криминальную, в том числе и коррупционную, нагрузку на общество.

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие определенных положительных результатов в противодействии коррупции, в настоящее время преждевременно утверждать о серьезном снижении уровня коррупционной преступности в

стране. Наиболее общественно опасные коррупционные преступления по-прежнему редко выявляются и остаются латентными. Отмечается недостаточная эффективность деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и пресечению преступлений коррупционной направленности, усилия правоохранительных органов по борьбе с коррупционными преступлениями зачастую по-прежнему сосредоточены в основном на выявлении малозначительных преступлений.

В то же время принимаемые государством меры по противодействию коррупционной преступности, акцентированные на профилактику преступного поведения, дают определенные результаты. Так, осуществляемые меры по ведомственному контролю за соблюдением антикоррупционных ограничений и административно-правовых запретов на всех уровнях управления и активное формирование антикоррупционных стандартов в общественных отношениях постепенно создают в обществе атмосферу понимания опасности коррупционного поведения. Кроме того, позитивно можно оценить предпринимаемые государством меры, направленные на устранение административных барьеров [21, с. 348]. Исходя из этого тенденция к снижению количества выявляемых правоохранительными органами преступлений коррупционной направленности вызвана не только ужесточением учетно-регистрационной дисциплины, но и отчасти реальным снижением уровня «бытовой» коррупции в стране. Несмотря на то что уровень коррупции в России в целом остается на прежнем уровне, наметились определенные положительные тенденции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деятельность правоохранительных органов Российской Федерации по противодействию коррупции / под общ. ред. А.В. Кудашкина. — М. : Юрлитинформ, 2011. — 304 с.
2. Коррупция: природа, проявления, противодействие / отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М. : Юриспруденция, 2012. — 688 с.
3. Корреляция мер по противодействию коррупции с причинами и условиями ее возникновения : науч.-метод. пособие / под ред. В.Н. Южакова, А.М. Цирина. — М. : Инфра-М, 2016. — 156 с.
4. Красникова Е.В. Состояние противодействия коррупционной преступности в Российской Федерации / Е.В. Красникова // Сотрудничество государств — участников СНГ в борьбе с коррупцией: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 дек. 2012 г. — М. : Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2013. — С. 231–248.
5. Черникова И.А. Региональный анализ коррупционной преступности / И.А. Черникова, Г.Ф. Коимшиди, А.В. Бахарева // Сотрудничество государств — участников СНГ в борьбе с коррупцией: проблемы и перспективы : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 6–7 дек. 2012 г. — М. : Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2013. — С. 249–263.
6. Илий С.К. Состояние и динамика коррупции в России / С.К. Илий // Криминологические основы уголовного права : материалы 10-го Рос. конгр. уголов. права, сост. 26–27 мая 2016 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. — М. : Юрлитинформ, 2016. — С. 300–306.
7. Ceccato V. Crime Dynamics at Lithuanian Borders / Vânia Ceccato // European Journal of Criminology. — 2007. — Vol. 4. — P. 131–160.
8. Gilinskiy Y. Crime in Contemporary Russia / Yakov Gilinskiy // European Journal of Criminology. — 2006. — Vol. 3. — P. 259–292.

9. Developing European indicators of trust in justice / Jonathan Jackson, Ben Bradford, Mike Hough et al. // *European Journal of Criminology*. — 2011. — Vol. 8. — P. 267–285.
10. Lord N.J. Responding to transnational corporate bribery using international frameworks for enforcement: Anti-bribery and corruption in the UK and Germany / Nicholas J. Lord // *Criminology and Criminal Justice*. — 2014. — Febr. — P. 100–120.
11. Łoś M. Post-communist fear of crime and the commercialization of security / Maria Łoś // *Theoretical Criminology*. — 2002. — Vol. 6, no. 2. — P. 165–188.
12. Franklin E.Z. On the Comparative Study of Corruption / E. Zimring Franklin, David T. Johnson // *British Journal of Criminology*. — 2005. — Vol. 45, iss. 6. — P. 793–809.
13. Илий С.К. Нормативное определение перечней преступлений и других правонарушений коррупционной направленности / С.К. Илий // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. — 2010. — № 6. — С. 38–42.
14. Козлов Т.Л. Проблемы профилактики коррупционных правонарушений в государственных и муниципальных органах / Т.Л. Козлов. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 192 с.
15. Коррупция в современной России: проблемы теории и практики / под ред. Т.Л. Козлова. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 296 с.
16. Илий С.К. К вопросу правового обеспечения деятельности правоохранительных органов по учету коррупционных преступлений / С.К. Илий // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2015. — № 4. — С. 144–147.
17. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / под ред. Р.В. Жубрина. — М. : Проспект, 2016. — 656 с.
18. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2012. — 839 с.
19. Магомадов Н.С. Понятие и общая характеристика коррупционной преступности / Н.С. Магомадов // *Молодой ученый*. — 2015. — № 7. — С. 565–567.
20. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / В.В. Лунеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. — 912 с.
21. Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению : науч. докл. / под ред. О.С. Капинус. — М. : Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2015. — 406 с.

REFERENCES

1. Kudashkin A.V. (ed.). *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii po protivodeistviyu korruptsii* [The Activities of Law Enforcement Bodies of the Russian Federation to Counteract Corruption]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2011. 304 p.
2. Khabrieva T.Ya. (ed.). *Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeistvie* [Corruption: Nature, Manifestations, Counteraction]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2012. 688 p.
3. Yuzhakov V.N., Tsin A.M. (eds). *Korrelyatsiya mer po protivodeistviyu korruptsii s prichinami i usloviyami ee vozniknoveniya* [The Correlation of Measures to Counteract Corruption with the Causes and Condition of its Emergence]. Moscow, Infra-M Publ., 2016. 156 p.
4. Krasnikova E.V. The condition of counteracting crimes of corruption in the Russian Federation. *Sotrudnichestvo gosudarstv — uchastnikov SNG v bor'be s korruptsiei: problemy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 6–7 dekabrya 2012 g.* [Cooperation of the CIS Countries in Fighting Corruption: Issues and Prospects. Materials of International Research Conference. Moscow, Dec. 6–7, 2012]. Moscow, Academy of the RF Prosecutor General's Office Publ., 2013, pp. 231–248. (In Russian).
5. Chernikova I.A., Koimshidi G.F., Bakharev A.V. Regional analysis of crimes of corruption. *Sotrudnichestvo gosudarstv — uchastnikov SNG v bor'be s korruptsiei: problemy i perspektivy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Moskva, 6–7 dekabrya 2012 g.* [Cooperation of the CIS Countries in Fighting Corruption: Issues and Prospects. Materials of International Research Conference. Moscow, Dec. 6–7, 2012]. Moscow, Academy of the RF Prosecutor General's Office Publ., 2013, pp. 249–263. (In Russian).
6. Iliy S.K. The condition and dynamics of corruption in Russia. In Komissarov V.S. (ed.). *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava. Materialy X Rossiiskogo kongressa ugolovnogo prava, sostoyavshegosya 26–27 maya 2016 g.* [Criminological Basis of Criminal Law. Materials of X Russian Congress on Criminal Law, May 26–27, 2016]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2016, pp. 300–306. (In Russian).
7. Ceccato Vânia. Crime dynamics at Lithuanian Borders. *European Journal of Criminology*, 2007, vol. 4, pp. 131–160.
8. Gilinskiy Yakov. Crime in Contemporary Russia. *European Journal of Criminology*, 2006, vol. 3, pp. 259–292.
9. Jonathan Jackson, Ben Bradford, Mike Hough et al. Developing European indicators of trust in justice. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, pp. 267–285.
10. Lord Nicholas J. Responding to transnational corporate bribery using international frameworks for enforcement: Anti-bribery and corruption in the UK and Germany. *Criminology and Criminal Justice*, 2014, February, pp. 100–120.
11. Łoś Maria. Post-communist fear of crime and the commercialization of security. *Theoretical Criminology*, 2002, vol. 6, no. 2, pp. 165–188.
12. Franklin Zimring E., Johnson David T. On the comparative study of corruption. *British Journal of Criminology*, 2005, vol. 45, iss. 6, pp. 793–809.
13. Iliy S.K. Normative Definition of Specifications of Crimes of Corruption and Other Corruption Related Offences. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2010, no. 6, pp. 38–42. (In Russian).
14. Kozlov T.L. *Problemy profilaktiki korruptsionnykh pravonarushenii v gosudarstvennykh i munitsipal'nykh organakh* [Issues of Preventing Crimes of Corruption in State and Municipal Bodies]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2012. 192 p.
15. Kozlov T.L. (ed.). *Korruptsiya v sovremennoi Rossii: problemy teorii i praktiki* [Corruption in Russia Today: the Issues of Theory and Practice]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2014. 296 p. (In Russian).

16. Iliy S.K. To question of the legal provision to activity law-enforcement organ on account corruption crimes. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 4, pp. 144–147. (In Russian).

17. Zhubrin R.V. (ed.). *Teoreticheskie osnovy preduprezhdeniya prestupnosti na sovremennom etape razvitiya rossiiskogo obshchestva* [The Theoretical Basis of Crime Prevention at the Present Stage of Russian Society's Development]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 656 p.

18. Inshakov S.M. (ed.). *Teoreticheskie osnovy issledovaniya i analiza latentnoi prestupnosti* [The Theoretical Basis of Researching and Analyzing Latent Crimes]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2012. 839 p.

19. Magomadov N.S. The concept and general characteristics of crimes of corruption. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2015, no. 7, pp. 565–567.

20. Luneev V.V. *Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossiiskie tendentsii* [Crimes of the 20th Century: Global, Regional and Russian Trends]. 2nd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2005. 912 p.

21. Kapinus O.S. (ed.). *Zakonnost': sostoyanie i tendentsii v 2010–2014 gg. Deyatel'nost' prokuratury po ee obespecheniyu* [Rule of Law: Condition and Trends in 2010–2014. Work of Prosecutor's Office to Ensure it]. Moscow, Academy of the RF Prosecutor General's Office Publ., 2015. 406 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илий Сергей Кириллович — заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: ilies@rambler.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Илий С.К. Анализ основных тенденций коррупционной преступности в России / С.К. Илий // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 531–543. — DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).531-543.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iliy, Sergey K. — Head, Department of Prosecutor's Supervision and Support for the Supremacy of Law in State and Municipal Administration, Corruption Counteraction, Research Institute, the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: ilies@rambler.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Iliy S.K. The analysis of key trends in corruption crimes in Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 531–543. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).531-543. (In Russian).